

Бай Цзяо стоял в коридоре второго этажа, опираясь на перила, и, чуть опустив длинные узкие глаза тёплого оттенка, наблюдал за всем, что происходило внизу.

Он был исполнителем заданий и переселился в этот мир всего два дня назад. Сейчас приёмная мать его нынешнего тела, Чжан Хуэйцзюнь, крепко прижимала к себе подростка и громко рыдала, снова и снова повторяя одно и то же:

— Сыночек, сколько же ты натерпелся...

Приёмный отец, Бай Юнчан, молча сидел в кресле и не спеша затягивался сигарой. Глаза у него слегка увлажнились, во взгляде читались несомненная нежность и вина.

Что же до главного героя этого романа...

На нём была мятая белая футболка, явно никогда в жизни не видевшая утюга, и выцветшие от бесконечных стирок голубые джинсы. Он стоял босиком, а старые кеды в заплатах уже были выброшены слугой, который его привёл. Парень выглядел настолько скованным и чужим в этой обстановке, будто готов был провалиться сквозь землю. Всё, что он мог, это отчаянно опускать голову.

В роскошном, почти показном зале эта троица внизу образовывала поистине «гармоничную» семейную картину.

Посмотрев на них какое-то время, Бай Цзяо зевнул и уже собирался уйти к себе отдыхать. К несчастью, в голове не переставал тарыхтеть резкий, взрослый на слух механический голос.

[Хозяин, это же стартовая сцена оригинального романа! Вы важный персонаж, как вы можете даже не показаться?!]

[Хозяин, вы обязаны соблюсти трёхдневный период закрепления роли, иначе вас накажут!]

[Хозяин, хозяин, хозяин...]

Впервые в жизни Бай Цзяо подумал, что его система невероятно шумная. Слегка заинтересовавшись, он лениво отозвался:

— Восемь-восемь-шесть, тебе так уж нравится работать на группу мужской добродетели? Впервые вижу тебя таким рьяным.

[...]

886 на миг притих, а потом беспомощно ответил:

[Хозяин, это я впервые вижу вас настолько безалаберным! Быстро отыграйте вступительный характерный эпизод!]

Длинные густые ресницы, чёрные, как вороньи перья, опустились, скрывая скуку в глазах. Бай Цзяо лениво привалился к перилам, тихо цокнул языком и равнодушно окликнул людей внизу:

— А это кто?

Его спокойный, мягкий голос, льющийся, как чистая вода, мгновенно притянул внимание всех троих, и они одновременно подняли головы.

Подросток, которого до этого намертво вжимала в объятия Чжан Хуэйцзюнь, наконец смог перевести дух. Он ещё не успел как следует осознать происходящее и теперь только растерянно поднимал взгляд на Бай Цзяо.

Тёмно-синяя шёлковая пижама подчёркивала снежную белизну кожи Бай Цзяо. В тёплом жёлтом свете ламп его безупречное красивое лицо словно светилось, ослепляя. Подросток видел только, как тонкие губы, оттенка киновари, медленно размыкаются.

— Папа, мама, почему вы молчите?

Неловкая атмосфера в зале почти уплотнилась. Бай Цзяо не спеша стал спускаться по винтовой лестнице. Тонкие бледные пальцы легко постукивали по тёмно-коричневым перилам, как маленькая фигурка, шагающая по ступенькам. Казалось, каждый лёгкий стук приходился прямо по сердцам супружеской пары Бай.

Только когда Бай Цзяо дошёл донизу и встал перед ними во весь рост, Чжан Хуэйцзюнь наконец сумела взять себя в руки.

— Малыш, разве ты сегодня не ушёл гулять с друзьями? Почему ты дома?

Женщина, которая секунду назад всю душу выплёскивала в объятия подростка, тут же развернулась и взяла Бай Цзяо за руку, голос её стал сладким до приторности.

— Угу, сегодня было не очень хорошо, поэтому я остался дома отдыхать.

— Что именно нехорошо? Папа сейчас отвезёт тебя в больницу, — Бай Юнчан нервно вскочил и уже вытащил ключи от машины, собираясь везти сына к врачу.

— Папа, не надо, — сказал Бай Цзяо и перевёл взгляд на подростка. — Кто это?

Только теперь он как следует разглядел лицо парня. Глубокие глаза под чёткими бровями, резкий профиль с прямым носом, полные красивые губы, словно собравшие в себе лучшие

черты супружеской пары Бай. Лицо яркое, запоминающееся, невероятно привлекательное. Здесь и анализ ДНК был ни к чему: любой прохожий с первого взгляда понял бы, что это родной сын семьи Бай, настоящий наследник.

Бай Юнчан неловко потёр руки и выразительно посмотрел на Чжан Хуэйцзюнь, подталкивая её к разговору.

Чжан Хуэйцзюнь незаметно зыркнула на мужа, затем натянуто улыбнулась и заговорила с Бай Цзяо:

— Цзяо-Цзяо, это тот самый Бай Цзинчжо, о котором мама рассказывала тебе раньше...

Бай Цзинчжо тихо спрятался за спину Чжан Хуэйцзюнь, сжав пальцами подол своей одежды так сильно, что костяшки побелели. Сдерживая тревогу, он спросил:

— Мама, это тот младший брат, о котором ты говорила? Такое чувство, будто я ему совсем не нравлюсь.

— ...

Бай Цзяо чуть прищурился.

Хм?

Эта притворная сладость...

Было в Бай Цзинчжо что-то не то.

Этот мир был создан на основе сверхпопулярного оригинального VL-романа «Когда настоящий наследник умер, они все до безумия пожалели». Главным шоу в том романе как раз был настоящий наследник, Бай Цзинчжо.

В оригинале Бай Цзинчжо был неуверенным, пугливым, добрым, отчаянно старался всем угодить и трогательно откликался на любую, даже самую мелкую доброту, отдавая себя без остатка. В итоге его травили и подавляли все, кому не лень.

Только после его смерти наконец раскрылись все несправедливости, что ему пришлось пережить, и те, кто относился к нему жестоко, один за другим испытали мучительное раскаяние. После этого их ненависть развернулась в сторону той самой «подделки» — ложного наследника, которого в начале истории обожали, как белую луну, а потом сорвали с него маску, показав миру, что он всего лишь жестокий антагонист.

Бай Цзяо смотрел на парня, прячущегося за спиной Чжан Хуэйцзюнь. Тот внешне казался

робким, но где-то в глубине взгляда скрывалась леденящая нотка насмешки. Его характер явно не совпадал с описанием из книги.

Интерес Бай Цзяо снова ожил.

Тонкие губы чуть приподнялись в уголках, и он спокойно встретил взгляд Бай Цзинчжо:

— Старший брат, ты неправильно понял. Я вовсе не испытываю к тебе неприязни.

Это заявление ничуть не противоречило образу фальшивой «белой луны», который должен был отыгрывать оригинальный владелец тела. Однако теперь, в отличие от Бай Цзяо из романа, в глазах не было ни капли фальши. Они были ясные, светлые, в них отражался силуэт Бай Цзинчжо. Ни капли наигранности, только искреннее, тёплое внимание.

Бай Цзинчжо на миг застыл, потеряв дар речи.

— Наш Цзяо-Цзяо очень хороший ребёнок, — поспешно подхватила Чжан Хуэйцзюнь. — Бай Цзинчжо, не думай о нём плохо. С этого дня вы двое — братья и должны жить дружно. — Она взяла их руки и сложила их вместе. — Особенно ты, Бай Цзинчжо. У Цзяо-Цзяо слабое здоровье. Как старший брат, ты обязан о нём заботиться.

Бай Цзинчжо, который до возвращения в родную семью пережил бесчисленные тяготы и унижения, нахмурился ещё сильнее, словно подавляя внутри вспышку раздражения. Как только родители переводили взгляд на него, он мгновенно прятал все эмоции, хотя лёгкий оттенок презрения всё равно оставался в глубине глаз.

С натянутой улыбкой он сказал:

— Папа, мама, я буду хорошо заботиться о младшем брате.

Последние слова он выделил особенно. Бай Цзяо приподнял бровь. Как только Бай Цзинчжо попытался выдернуть руку, Бай Цзяо вдруг крепче сжал её. Подушечки пальцев Бай Цзинчжо были грубыми, с мозолями от тяжёлого труда. Пальцы тонкие, но кожа шероховатая, неприятно контрастирующая на ощупь.

Бай Цзяо слегка сжал его руку ещё раз, затем отпустил и мягко сказал:

— А я буду хорошо заботиться о старшем брате.

— ...

Для Бай Цзинчжо этот жест показался откровенной провокацией, демонстративно устроенной прямо у них перед носом. Он был ошеломлён и сбит с толку, совсем не понимая, что таким образом пытается сделать Бай Цзяо.

Зато Чжан Хуэйцзюнь и Бай Юнчан, наоборот, быстро расслабились. По их лицам было видно, как камень свалился с души. Оба подумали об одном и том же: братья так мило ладят, прекрасно, именно так всё и должно быть.

Кстати, как раз подошло время ужина. Слуга вошёл в зал и сообщил, что всё накрыто. Чжан Хуэйцзюнь пригласила всех за стол, предложив обсудить всё спокойно за едой.

— Подождите. Старший брат, почему ты без обуви? Простудишься ведь. — Когда все расселись, Бай Цзяо словно только сейчас обратил на это внимание. Он сам заговорил первым: — Сиди спокойно, я сейчас принесу обувь.

Все невольно одновременно перевели взгляд на ноги Бай Цзинчжо. Тот мгновенно вспыхнул, до ушей, и прежняя маска робости дала трещину. Он рефлекторно поджал голые ступни под стул.

Разозлив его и этим, Бай Цзяо был в превосходном настроении. Он лично подошёл к шкафу для обуви, достал новую пару домашних тапок и вернулся к Бай Цзинчжо, затем присел перед ним на корточки.

— Ты... ты что делаешь... — растерянно пробормотал Бай Цзинчжо.

Не успел он договорить, как почувствовал внезапную прохладу на щиколотке.

— Я же сказал, что буду о тебе заботиться. Вот и держу слово.

Щиколотки у Бай Цзинчжо, как и руки, были красивой формы, тонкие и изящные. Бай Цзяо легко обхватывал их одной ладонью. Но ощущения были другими: кожа здесь была гораздо нежнее, гладкая и тёплая, как кусочек тёплого нефрита.

Бай Цзяо чуть сильнее сжал тонкую косточку, потом надел ему тапки, поднялся и, опираясь рукой на спинку стула Бай Цзинчжо, слегка наклонился к нему, выдохнув мягкий смешок у самого уха:

— Приятно на ощупь.

[...]

[Хозяин, ваша роль — фальшивая «белая луна», мнимый наследник, а не дворовый хулиган!]

886, глядя на почти вылетевшие за пределы допустимого показателя ООС, торопливо выдал предупреждение:

[Какой такой мнимый наследник хватает настоящего наследника за щиколотку, мнёт её и ещё

при этом делает комплименты?!]

Как он раньше не замечал, что его хозяин настолько неприличен?

Примерно то же самое сейчас хотел спросить и сам Бай Цзинчжо.

Только что Бай Цзяо находился слишком близко. От него исходил свежий, лёгкий запах, от которого кружилась голова. И только когда тот выдал эту откровенно флиртующую фразу, Бай Цзинчжо понял, что его снова прижали.

Щёки у него вспыхнули, уши покраснели до болезненного жара. Он с неверием уставился на Бай Цзяо.

А тот, словно ничего и не произошло, спокойно сел рядом, даже повернулся к нему и одарил безобидной, почти ангельской улыбкой, так что у Бай Цзинчжо невольно возникло ощущение, будто оба этих сжатия щиколотки ему просто привиделись.

Супруги Бай и слуги были потрясены до глубины души.

Бай Цзяо, избалованный молодой господин, выросший в роскоши и заботе, никогда в жизни не приседал, чтобы надеть кому-то обувь. Он даже собственные шнурки не достаивал тем, чтобы наклониться и завязать их. В школе его всегда окружали поклонники, наперебой стремившиеся выполнить любую мелкую просьбу.

Теперь все только и думали о том, выспались ли они вообще этим утром и не случилось ли с Бай Цзяо чего-то из ряда вон, раз он так странно себя ведёт.

Воображение Чжан Хуэйцзюнь и Бай Юнчана тут же дорисовало драматичную картину. Они решили, что Бай Цзяо боится: раз Бай Цзинчжо вернулся, родители перестанут любить приёмного сына и прогонят его. Из-за этой неуверенности и чувства небезопасности он и ведёт себя так с Бай Цзинчжо. Сердца обоих болезненно сжались от жалости.

— Цзяо-Цзяо, что бы ни случилось, мы с папой любим тебя, — мягко сказала Чжан Хуэйцзюнь, глядя на него с тревогой. — Ты всегда будешь нашим любимым ребёнком, всегда — молодым господином семьи Бай. Не нужно так себя унижать, хорошо? Тебе не нужно ни перед кем заискивать. Мы с папой любим тебя таким, каким ты был прежде.

Бай Юнчан энергично закивал в знак согласия.

Только теперь Бай Цзинчжо, похоже, окончательно понял, в чём смысл поступка Бай Цзяо. В сердце поднялась острая волна иронии.

Так вот в чём дело: он играет на жалости, чтобы утвердиться в доме. Конечно, он и так догадывался. Вся эта кажущаяся доброта была не чем иным, как тщательно разыгранным спектаклем.

Мозг его заработал на полную мощность, выстраивая варианты, как перевернуть ситуацию в свою пользу и вернуть себе инициативу. Он не замечал лишь одного: все те эмоции, которые он столь старательно прятал, уже успели отразиться в зрачках, и Бай Цзяо внимательно, с тихим интересом их рассмотрел.

— Спасибо, папа, мама. Я всё понял.

Бай Цзяо принял их заблуждение без малейшего ощущения несправедливости. Не потому, что его связывали рамки периода закрепления роли и ему пришлось продолжать играть мнимую белую луну. Просто он нащупал кое-что любопытное и встретил любопытного человека, а потому решил, что, возможно, стоит поиграть дальше.

Пока он размышлял, надолго ли хватит его печально недолговечного интереса на этот раз, краем глаза заметил, как вдруг покраснели глаза у Бай Цзинчжо.

— Да, младший брат, тебе действительно не стоит так себя вести. Папа с мамой так сильно тебя любят, они никогда не допустят, чтобы ты страдал, — сказал Бай Цзинчжо, поднимая руку к лицу. Голос его дрожал, будто он едва сдерживал рыдания. Он нарочито обнажил участок руки, покрытой чёрно-синими следами, словно от жестоких щипков. — Я просто... был слишком потрясён. Никогда не думал, что ко мне могут относиться так хорошо. Со мной ещё никто так не обращался...

Прозрачные слёзы одна за другой скатывались по его щекам, падали на ослепительно белую скатерть и растекались маленькими влажными пятнами.

Теперь Бай Цзинчжо плакал по-настоящему. Жалоба и боль в его голосе уже не поддавались контролю, даже тело заметно дрожало.

Этот жалкий вид тут же тронул многих присутствующих, усилив чувство вины пары Бай до предела. Стоило их взглядам упасть на синяки на его руке, как ярость взметнулась до небес. Они наперебой начали спрашивать, кто посмел так обойтись с их сыном.

Разумеется, Бай Цзяо к этим «многим» не относился.

Даже если оставить в стороне вопрос о том, действительно ли в оригинальном романе Бай Цзинчжо подвергался насилию до возвращения в семью Бай, ему хватило одного тона, которым тот говорил чуть раньше.

Бай Цзяо ясно слышал под тонкой вуалью жалобности насмешливую колкость и скрытый

подтекст.

Он взял Бай Цзинчжо за запястье и подтянул руку ближе, опуская взгляд, чтобы спрятать улыбку. Внешне он был воплощением заботы и тревоги, куда более ожесточённым, чем сами супруги Бай.

— Старший брат, что случилось с твоей рукой? Кто тебя обижал?

Говоря это, он ещё раз незаметно сжал запястье.

Бай Цзинчжо:

— ...

<http://bllate.org/book/14990/1328285>